

Писатель Аркадий Аверченко

В начале XX века не было в России более популярного и любимого писателя, чем автор юмористических рассказов и повестей Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925). «Аверченку» читал, посмеиваясь в бороду, сам император! А между тем аверченковский юмор подчас принимал формы едкой политической сатиры, от которой вздрагивали «сильные мира сего». Скажем, на нерадивое проведение столыпинских реформ Аркадий Тимофеевич откликнулся резкой эпитаграммой, заставляющей вспомнить И.А. Крылова, — «Из переселенческих мотивов»:

Навозну кучу разрывая,
Петух не отыскал там ни зерна,
И говорит: «Ага, я понимаю,
То голодающим назначена она!»

Аркадий Аверченко относился к собственной литературной славе со львиной долей иронии: его современниками были А.П. Чехов и А.М. Горький, И.А. Бунин и А.И. Куприн, а начало литературного поприща молодого фельетониста прошло в тени грандиозной фигуры яснополянского старца...

В 1908 году Аркадий Аверченко создаёт самый известный юмористический журнал в истории русской литературы — столичный «Сатирикон». В нём выработывался стиль сатирической прозы и поэзии, не потерявший своего обаяния и в наше время.

Одна из книг А.Т. Аверченко привлекала внимание пространством и броским названием: «Дети. Сборник рассказов с приложением «Руководства к рождению детей». Забавные, лаконичные рассказы, построенные на нюансах детской психологии, на проникновении в подоплёку взаимоотношений взрослых и детей. Во введении автор честно признаётся: «Для выпуска настоящего сборника у меня имелись два веских основания: 1. Я люблю детей. 2. Дети любят меня». Аверченко, конечно, писал не о нашем времени. Он писал о далёком прошлом. Современная школа давно ушла от проблем «проклятого прошлого», но и нам сейчас забавно и поучительно прочитать о тех временах, когда у педагогов не всё ладилось по части пробуждения у школьников интереса к учёбе. Предлагаем вам рассказ «Разговор в школе». Может, и сегодня в школах случаются похожие разговоры...

РАЗГОВОР В ШКОЛЕ

Аркадий Аверченко

Посвящаю Ариадне Румановой

Нельзя сказать, чтобы это были два враждующих лагеря. Нет — это были просто два противоположных лагеря. Два непонимающих друг друга лагеря. Два снисходительно относящихся друг к другу лагеря.

Один лагерь заключался в высокой бледной учительнице «школы для мальчиков и девочек», другой лагерь был числом побольше. Раскинулся он двумя десятками стриженных или украшенных скудными косичками головок, склонённых над ветхими партами... Все головы, как единообразно вывихнутые, скривились на левую сторону, все языки были прикушены маленькими мышинными зубёнками, а у Рюхина Андрея от излишка внимания даже тонкая нитка слюны из угла рта выползла.

Скрип грифелей, запах полувывсохших чернил и вздохи, вздохи — то облегчения, то натуги и напряжения — вот чем наполнялась большая полутёмная комната.

А за открытым окном, вызолоченные до половины солнцем, качаются старые акации, а какая-то задорная суетливая пичуга раскричалась в зелени так, что за неё делается страшно — вдруг разрыв сердца! А издали, с реки, доносятся крики купающихся мальчишек, а лучи солнца, ласковые, тёплые, как рука матери, проводящая по головёнке своего любимца, лучи солнца льются с синего неба. Хорошо, чёрт возьми! Завизжать бы что-нибудь, захрюкать и камнем вылететь из пыльной комнаты тихого училища — побежать по сонной от зноя улице, выделявая ногами самые неожиданные курбеты.

Но нельзя. Нужно учиться.

Неожиданно среди общей творческой работы Кругликову Капитону приходит в голову сокрушительный вопрос:

— А зачем, в сущности, учиться? Действительно ли это нужно?

Кругликов Капитон — человек смелый и за словом в карман не лезет.

— А зачем мы учимся? — спрашивает он, в упор глядя на прохаживающуюся по классу учительницу.

Глаза его округлились, выпуклились, отчасти от любопытства, отчасти от ужаса, что он осмелился задать такой жуткий вопрос.

— Чудак, ей-Богу, ты человек, — усмешается учительница, проводя мягкой ладонью по его голове против шерсти. — Как зачем? Чтобы быть умными, образованными, чтобы отдавать себе отчёт в окружающем.

— А если не учиться?

— Тогда и культуры никакой не будет,

— Это какой ещё культуры?

— Ну... так тебе трудно сказать. Я лучше всего объясню на примере. Если бы кто-нибудь из вас был в Нью-Йорке...

— Я была, — раздаётся тонкий писк у самой стены.

Все изумлённо оборачиваются на эту отважную путешественницу. Что такое? Откуда?

Очевидно, в школах водится особый школьный бесёнок, который вертится между партами, толкает под руку и выкидывает вообще всякие кренделя, которые потом сваливает на ни в чём не повинных учеников... Очевидно, это он дёрнул Наталью Пашкову за жиденькую косичку, подтолкнул в бок, шепнул: «Скажи, что была, скажи!»

Она и сказала.

— Стыдно врать, Наталья Пашкова. Ну, когда ты была в Нью-Йорке? С кем?

Наталья рада бы сквозь землю провалиться: действительно — чёрт её дернул сказать это, но слово, что воробей: вылетит — не поймаешь.

— Была... Ей-Богу, была... Позавчера... с папой. — Ложь, сплошная ложь: и папы у неё нет, и позавчера она была, как и сегодня, в школе, и до Нью-Йорка три недели езды.

Наталья Пашкова легко, без усилий, разоблачается перед всем классом и, плачущая, растерянная, окружённая общим молчаливым презрением, погружается в ничтожество.

— Так вот, дети, если бы кто-нибудь из вас был бы в Нью-Йорке, он бы увидел огромные многоэтажные дома, сотни несущихся вагонов трамвая, электричество, подъёмные машины, и все это — благодаря культуре. Благодаря тому, что пришли образованные люди. А знаете, сколько лет этому городу? Лет сто-полтораста — не больше!!

— А что было раньше там? — спросил Рюхин Андрей, выгибая натруженную работой спину так, что она громко затрещала: будто орехи кто-нибудь просыпал.

— Раньше? А вот вы сравните, что было раньше: раньше был непроходимый лес, перепутанный лианами. В лесу разное дикое зверьё, пантеры, волки; лес переходил в дикие луга, по которым бродили огромные олени, бизоны, дикие лошади... А кроме того,

в лесах и на лугах бродили индейцы, которые были страшнее диких зверей — убивали друг друга и белых и снимали с них скальп. Вот вы теперь и сравните, что лучше: дикие поля и леса со зверьём, индейцами, без домов и электричества или — широкие улицы, трамваи, электричество и полное отсутствие диких индейцев?!

Учительница одним духом выпалила эту тираду и победоносно оглядела всю свою команду: что, мол, съели?

— Вот видите, господа... И разберите сами: что лучше — культура или такое житьё? Ну, вот ты. Кругликов Капитон... Скажи ты: когда, значит, лучше жилось: тогда или теперь?

Кругликов Капитон встал и, после минутного колебания, пробубнил, как майский жук:

— Тогда лучше.

— Что?! Да ты сам посуди, чудак: раньше было плохо, никаких удобств, всюду звери, индейцы, а теперь дома, трамваи, подъёмные машины... Ну? Когда же лучше — тогда или теперь?

— Тогда.

— Ах ты, Господи... Ну, вот ты, Полторацкий, скажи ты; когда было лучше: раньше или теперь?

Полторацкий недоверчиво, исподлобья глянул на учительницу (а вдруг единицу вкатит) и уверенно сказал:

— Раньше лучше было.

— О, Бог мой!! Слизняков, Гавриил!

— Лучше было. Раньше.

— Прежде всего — не раньше, а раньше. Да что вы, господа, — затмение у вас в голове, что ли? Тут вам и дома, и электричество...

— А на что дома? — цинично спросил толстый Фитюгоков.

— Как на что? А где же спать?

— А у костра? Завернулся в одеяло и спи сколько влезет. Или в повозку залезь! Повозки такие были. А то подумаешь: дома!

И он поглядел на учительницу не менее победоносно, чем до этого смотрела она.

— Но ведь электричества нет, темно, страшно.

Семён Заволдаев снисходительно поглядел на разгорячившуюся учительницу...

— Темно? А костёр вам на что? Лесу много — жги сколько влезет.

А днём и так себе светло.

— А вдруг зверь подберётся?

— Часового с ружьём нужно выставлять, вот и не подберётся. Дело известное.

— А индейцы подберутся сзади, схватят часового да на вас...

— С индейцами можно подружиться. Есть хорошие племена, приличные...

— Делаварское племя есть, — поддержал кто-то сзади. — Они белых любят. В крайнем случае можно на мустанге ускакать.

Стриженные головы сдвинулись ближе, будто чем-то объединённые, — и голоса затрещали, как сотня воробьёв на ветках акации.

— А у городе у вашего одного швейцара на лифте раздавило... Вот вам и город.

— А у городе мальчик недавно под трамвай попал!

— Да просто у городе у вашего скучно — вот и всё, — отрубил

Слизняков Гавриил.

— Скверные вы мальчишки: просто вам не приходилось быть в лесу среди диких зверей — вот и всё.

— А я была, — пискнула Наталья Пашкова, которую не оставял в покое школьный бес.

— Врёт она, — загудели ревнивые голоса. — Что ты всё врешь да врешь. Ну, если ты была — почему тебя звери не съели, ну, говори?

— Станут они всякую заваль лопать, — язвительно пробормотал Кругликов Капитон.

— Кругликов!

— А чего же она... Вы же сами говорили, что врать — грех. Врёт, ей-Богу, всё время.

— Не врать, а лгать. Однако послушайте: вы, очевидно, меня не поняли... Ну, как же можно говорить, что раньше было лучше, когда теперь есть и хлеб, и масло, и сахар, и пирожное, а раньше этого ничего не было.

— Пирожное!!

Удар был очень силен и меток, но Кругликов Капитон быстро от него оправился.

— А плоды разные: финики, бананы — вы не считаете?! И покупать не нужно — ешь сколько влезет. Хлебное дерево тоже есть — сами же говорили... сахарный тростник. Убил себе бизона, навялил мяса и гуляй себе, как барин.

— Речки там тоже есть, — поддержал сбоку опытный рыболов. — Загни булавку да лови рыбу сколько твоей душеньке угодно.

Учительница прижимала обе руки к груди, бегала от одного к другому, кричала, волновалась, описывала все прелести городской безопасной жизни, но все её слова отбрасывались упруго и ловко, как мячик.

Оба лагеря совершенно не понимали друг друга. Культура явно трещала по всем швам, энергично осаждённая, атакованная индейцами, кострами, пантерами и баобабами...

— Просто вы все скверные мальчишки, — пробормотала уничтоженная учительница, лишний раз шегольнув нелогичностью, столь свойственной её слабому полу. — Просто вам нравятся дикие игры, стрельба из ружья — вот и всё. Вот мы спросим девочек... Клавдия Кошкина, что ты нам скажешь? Когда лучше было — тогда или теперь?

Ответ был ударом грома при ясном небе.

— Тогда, — качнув огрызком косички, сказала веснушчатая бледнолицая Кошкина.

— Ну, почему? Ну, скажи ты мне — почему, почему?..

— Травка тогда была... я люблю... Цветы были. — И обернулась к Кругликову — признанному специалисту по дикой, первобытной жизни: — Цветы-то были?

— Сколько влезет было цветов, — оживился специалист, — огромные были — тропические. Здоровенные, пахнут тебе — рви сколько влезет.

— А в городе чёрта пухлого найдёшь ты цветы. Паршивенькая роза рубль стоит.

Посрамлённая, уничтоженная учительница заметалась в последнем предсмертном усилии:

— Ну, вот пусть нам Катя Иваненко скажет... Катя! Когда было лучше?

— Тогда.

— Почему?!!

— Бизончики были, — нежно проворковала крохотная девочка, умильно склонив светлую головёнку набок.

— Какие бизончики?.. Да ты их когда-нибудь видела?

— Скажи — видела! — шепнула подталкиваемая бесом Пашкова.

— Я их не видела, — призналась простодушная Катя Иваненко. — А только они, наверное, хорошенькие... — И, совсем закрыв глаза, простонала: — Бизончики такие... Мохнатенькие, с мордочками. Я бы его на руки взяла и в мордочку поцеловала...

Кругликов — специалист по дикой жизни — дипломатично промолчал насчёт неосуществимости такого буколического намерения сентиментальной Иваненко, а учительница нахмурила брови и сказала срывающимся голосом:

— Ну, хорошо же! Если вы такие — не желаю с вами разговаривать. Кончайте решение задачи, а кто не решит — пусть тут сидит хоть до вечера.

И снова наступила тишина.

И все решили задачу, кроме бедной, чистой сердцем Катерины Иваненко: бизон всё время стоял между её глазами и грифельной доской...

Сидела маленькая до сумерек. **НО**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Высшая техническая школа: исторический аспект

Мария Поваляева, доцент кафедры «Социальные технологии» Российского государственного университета путей сообщения, кандидат педагогических наук

Ведущие российские университеты на протяжении двух веков не уступали по уровню образования лучшим университетам Запада. Став центрами науки и просвещения, они накопили много ценного в области подготовки профессорско-преподавательского состава. Мало знать свой предмет, надо уметь его донести до слушателя, для чего необходимо обладать ораторскими способностями, техникой и тактикой аргументирования. В период реформ в высших технических учебных заведениях России усиливается внимание как к фундаментальной подготовке инженеров, так и к личностным качествам преподавателя.